

Культура. — 1993. — 25 дек. — С. 8

КРИК ХУДОЖНИКА

Жесткие баталии идут сейчас в сфере изобразительного искусства. Молодое поколение художников и критиков, бывшее недавно андерграундом, страдавшее от официального непризнания, отлученное от выставочной деятельности и материальной поддержки, теперь берет реванш. Полностью отвергает заслуги и опыт мастеров старшего возраста, относя все искусство «доперестроечного периода» к унылому соцреализму, подавленному коммунистической идеологией, ангажированному бюрократической системой. Но это неверно и несправедливо.

В отечественном изобразительном искусстве двух последних десятилетий шли интересные художественные процессы, серьезные пластические поиски. Работали мастера, в творчестве которых зрел протест против официальной нормативной эстетики, которые говорили на современном языке форм, символов, инсказаний о духовных устремлениях общества, о социальных потрясениях, об этических проблемах.

Среди таких мастеров зрелого поколения, активно работавших в семидесятые — восьмидесятые годы и развивавших свои творческие искания в наши дни — скульптор Александр Бурганов. Сложный внутренний мир его скульптур, рисунков, литературных сочинений, экспрессивный пластический язык, мистическую загадочность образов можно собирать на-

звать «магическим реализмом». Приобщиться к этому миру, понять его заманчиво, но не просто.

Когда я захожу в мастерскую Бурганова, когда осматриваю его работы на выставках, меня охватывает ощущение тревоги, смутения, мучительных сомнений, которые излучают его скульптуры и рисунки. Герои Бурганова кипят в борьбе человеческих страстей и природных стихий. Что-то рушится, погибает, что-то нарождается вновь и расцветает новой красотой. Реальные детали — головы, руки, ступни включены в вихрь брутальной пластики, разрушающей форму и собирающей ее вновь в причудливые, фантастические композиции. Неожиданные сопоставления, контрасты, сочетание бывшего и небывалого, реального и ирреального, прекрасного и уродливого придают особое напряжение, драматизм пластическому миру Бурганова.

Стройную девичью фигуру венчает лошадиная голова, руки прорастают ветвями дерева, голова становится крылатой птицей, мужская фигура протягивает несколько рук, женская туфля ухмыляется мертвым оскалом...

Что это за фантазмагория! Что замыслил скульптор! Откуда явились эти поразительные образы! В чем их внутренний смысл!

Мне не дано понять. Вот я и мучаюсь, сомневаюсь, мучаются и мои герои, мучаю вас и, наверное, зрителей.

— И давно это с вами!

— Нет, вначале все было ясно. Когда учился в Строгановке, окончил учебу, начал самостоятельный путь, казалось, я знаю, как работать, к чему

стремиться, какие задачи стоят перед искусством... Да ведь время было такое: мы все были уверены, что знаем, куда идти, и к какой цели. Эдакие герои — надо только поднажать, поработать, и все будет в порядке. Но время героизма прошло. Наш героизм оказался несостоятельным. Настало разочарование: мы поняли,

что ничего не получается, да и идем-то мы не туда. Искусство почувствовало это раньше других и стало давать сигналы бедствия. Оно ведь как сейсмограф, загодя ощущает смертельные толчки, предвестники катастрофы. Да не все их слышали.

— Одна из самых значительных ваших работ — дерущиеся кони, заключенные в клетку. Эта огромная композиция стояла в главном зале вашей персональной выставки, она осеняет вашу мастерскую, ее воспроизводят ваши рисунки и эскизы. Расшифруйте, если возможно, этот символ.

— Я убежден, что конь — самое совершенное творение Бога. В нем единство природной мощи и силы духа. И вот это прекрасное благородное создание загнано в клетку земной жизни. Плененное, лишенное свободы, оно начинает борьбу, схватку не на жизнь, а на смерть. Происходит метаморфоза: добро и красота превращаются в злобу и жестокость. В этом противоречие самой сути вещей, искусство его обнажает, но разрубить этот узел ему не дано...

